

— Ты же ранен, иди за лекарством, — сказал он и повёл Линь Цзиня в Императорскую медицинскую академию.

Вообще, они могли отправиться туда открыто, но Цэнь Цзибай не хотел, чтобы госпожа Чжоу узнала, что сегодня он провёл время с Линь Цзинем.

Линь Цзинь тоже не был человеком, строго следующим правилам. Его неуёмная энергия превосходила даже Цэнь Цзибая. Всё-таки он отпрыск военной семьи, в чьих жилах текла дикая кровь.

Возможно, именно из-за этой тайной затеи дурное настроение рассеялось. Они пробирались через стены и деревья, уклоняясь от стражей и императорской гвардии. Пару раз их чуть не обнаружили, но Линь Цзиню это лишь добавляло остроты.

Мастерство Цэнь Цзибая вызывало у Линь Цзиня восхищение. В свои одиннадцать лет он точно не был столь искусен. Даже сейчас, в тринадцать, ему было до него далеко.

Цэнь Цзибай прекрасно знал расписание патрулей императорской гвардии и все извилистые дворцовые тропки. Благодаря воспоминаниям из прошлой жизни, он, хоть и не обладал прежней силой двадцатилетнего, был куда ловчее и гибче. Так что они благополучно миновали гвардейцев и проникли в Императорскую медицинскую академию через стену.

В тот день в академии оставались лишь несколько молодых лекарей, которые вели себя довольно расслабленно. Цэнь Цзибай сразу же повёл Линь Цзиня в кабинет главного лекаря Ду Чжуна.

Комната была в самом глухом углу — даже зажжённая свеча не привлекла бы внимания.

Однако, войдя внутрь, Цэнь Цзибай почувствовал, как огниво в его руке стало обжигать кожу.

В итоге свечу зажжёт Линь Цзинь.

Цэнь Цзибай нашёл мазь, способствующую рассасыванию синяков, и собрался нанести её Линь Цзиню.

Тот действительно ушиб спину, но травма была пустяковой — всего лишь синяк. Он дёрнул за край одежды, не желая, чтобы Цэнь Цзибай его мазал.

С возрастом пришло понимание, что нужно соблюдать дистанцию. Хотя они оба мужчины, слова Цэнь Цюэхэ всё же задели его.

Цэнь Цзибай протянул ему склянку и, отвернувшись, сказал:

— Тогда намажь сам. Разотри, так быстрее пройдёт.

Линь Цзинь не знал, что делать. Ранение было на спине — как он сам мог нанести мазь? В итоге он расстегнул одежду и повернулся, позволив Цэнь Цзибаю подойти.

В прошлой жизни Цэнь Цзибай уже обрабатывал Линь Цзиню раны, но тогда его спина была исчерчена шрамами, совсем не такой, как сейчас — белой и нежной.

Спина Линь Цзиня была красивой: в силу юного возраста линии плавные, с лёгкой грацией.

Но именно из-за этой юности у Цэнь Цзибая не возникало никаких двусмысленных мыслей. К

тому же в этой жизни он твёрдо решил быть для Линь Цзиня лишь другом.

Он не был достоин быть его возлюбленным.

— Сяо Чу, ты правда считаешь меня красивым? — вдруг спросил Линь Цзинь.

Цэнь Цзибай как раз убирал флакон, и его рука дрогнула, чуть не уронив склянку.

— Красивый, — ответил он. Вряд ли кому-то понравится услышать, что он некрасив.

Линь Цзинь оделся, слегка опечаленный.

— Если бы ты увидел моё лицо без маски, ты бы так не сказал.

— Ты красив в любом случае. — Цэнь Цюхэ должен умереть. Через несколько лет Цэнь Цзибай непременно убьёт его. — Кстати, ты знаешь, что Цэнь Цюхэ часто выезжает из дворца?

Линь Цзинь не отличался проникательностью, иначе в прошлой жизни он не ждал бы, пока Линь Сюнь избытёт Цэнь Цюхэ до неузнаваемости, прежде чем вмешаться. Услышав слова Цэнь Цзибая, он понял: тот планирует устроить Цэнь Цюхэ неприятности за пределами дворца.

Из-за своего статуса принца они не могли тронуть Цэнь Цюхэ во дворце, но за его стенами...

— Он всё же твой брат... — Линь Цзинь заколебался. Хотя они были сводными братьями, а среди членов королевской семьи и вовсе хватало распрей, но формально они оставались братьями.

Цэнь Цзибай не хотел это слышать. Линь Цзинь пока не знал, насколько отвратителен Цэнь Цюхэ. — У меня есть только третий брат, — сказал он, приводя комнату в порядок, гася свечу и выводя Линь Цзиня из академии.

Он снова повёл его к озеру. В темноте мерцали огоньки и звёзды, а вокруг звенели летние насекомые. Цэнь Цзибай достал из рукава ароматический мешочек и протянул Линь Цзиню.

Носить ароматические мешочки на Праздник лодок было давней традицией. Внутри шёлкового мешочка находились сера, киноварь, травы и прочие благовония, а сверху он был украшен разноцветными нитями. Этот мешочек не только источал приятный аромат, успокаивающий ум, но и отпугивал насекомых.

Цэнь Цзибай подумал, что в военном лагере, куда отправляется Линь Цзинь, насекомых должно быть видимо-невидимо.

За пределами Линъяна располагались четыре военных подразделения. Гвардия Тигра была местом, где тренировались новобранцы императорской гвардии; Центральный гарнизон занимался набором и обучением новобранцев для Южной армии — у той в Сюйчжоу был ещё и лагерь для водных войск; Чаншуй и Шэшэн относились к Северной армии и готовили новобранцев для Северо-западной армии.

Строго говоря, настоящая армия семьи Линь набиралась только на Северных землях, где в Анься было три лагеря для новобранцев: конница ху, конница юэ и гарнизонная кавалерия. А лагерь Чаншуй и Шэшэн за пределами Линъяна входили в состав Северо-западной армии.

Когда царство Ся только образовалось, в нём было три армии: Северная, Южная и Северо-западная. Они защищали соответственно от северных ди на северо-востоке, западных жунов на

северо-западе и царства Юй на юге. Окружённое врагами со всех сторон, царство Ся некогда обладало самой мощной военной силой среди четырёх государств.

Однако Южная армия, находившаяся под контролем семьи Фан, пришла в упадок; Северо-западная армия пала ещё раньше. Во времена прадеда Линь Цзиня её передали семье Линь.

Семья Линь не могла более отправлять солдат на северо-запад для распределения земель. За долгие годы правления множества правителей Ся местная знать и аристократия уже укрепили свои позиции, поэтому солдаты по-прежнему зависели от поставок из Линьяна.

Семья Линь также не хотела отправляться так далеко на северо-запад для тренировки новобранцев, поэтому лагерь для них разместили в ста ли от Линьяна.

Зато, попав под управление семьи Линь, Северо-западная армия постепенно начала восстанавливать боеспособность.

Но поскольку обе армии контролировались семьёй Линь, Северо-западную и Северную часто объединяли, называя их даже армией семьи Линь.

Когда Цэнь Цзибай стал наследным принцем, он создал лагерь «Летающее Перо», набирая туда бездомных детей и подростков.

Эти люди были ему безмерно преданы. На поле боя многие из них были ещё подростками, но сражались отчаянно, не щадя жизней.

Однако лагерь «Летающее Перо» существовал недолго, и набранных солдат было мало, так что создать отдельную мощную армию не удалось.

Линь Цзинь после Праздника лодок должен был отправиться в подразделение Шэшэн, начав с новобранцев.

Попадая в Шэшэн, Линь Цзинь, кроме отдельной тесной комнаты, не получал никаких привилегий по сравнению с обычными новобранцами.

Цэнь Цзибай не думал о том, чтобы избавить Линь Цзиня от этих тягот. Все члены семьи Линь проходили через это, и в прошлой жизни Линь Цзинь тоже. Не то что он, Цэнь Цзибай, получивший звание младшего генерала по особой милости правителя Ся.

Он лишь помнил, что лагерь Шэшэн стоял в поле, а летом там кишели насекомые. Накануне Сусинь дала ему этот ароматический мешочек, который оказался лучше тех, что обычно носили во дворце. Вспомнив о комарах во время вечерних занятий в Шэшэн, он решил отдать его Линь Цзиню.

Сусинь была красивой девушкой, и её работы отличались изяществом. Чёрный мешочек был вышит серебряными и золотыми нитями, изображающими иволгу на ветке, — очень красиво.

С тех пор как Цэнь Цзибай возродился, у него появилась небольшая странность: всякий раз, когда он видел что-то хорошее — будь то дешёвое или дорогое, простое или изысканное, — если это могло пригодиться Линь Цзиню, он думал: «Это должно принадлежать Линь Цзиню» или «Это нужно отдать Линь Цзиню».

Линь Цзинь поднёс мешочек к носу, вдыхая лёгкий и свежий аромат. Он принял его, сняв тот, что дала ему семья, и отдал свой Цэнь Цзибаю.

Хотя Цэнь Цзибай не мог носить мешочек с символом семьи Линь, он всё же принял его.

Затем он взял маленькую шкатулку, которую Линь Цзинь протянул ему, и открыл её. Внутри лежал кусочек белого нефрита размером с голубиное яйцо, с острыми гранями и лёгким красноватым оттенком.

— Похоже на цзунцзы? — с гордостью спросил Линь Цзинь.

Нефрит был прозрачным, а красный оттенок действительно напоминал клейкий рис с финиками.

Цэнь Цзибай улыбнулся и кивнул.

— Это мне?

Линь Цзинь слегка дрогнул ресницами.

— Мне показалось, что это интересно, и я решил сделать тебе подарок к празднику. Можешь использовать как подвеску для веера.

Цэнь Цзибай с благодарностью принял подарок, вспомнив, как в прошлой жизни, когда ему было двенадцать, Линь Цзинь тоже подарил ему подобную безделушку, сказав, что она забавная.

Эта маленькая нефритовая вещица, должно быть, попала к Линь Цзиню в какой-то праздник или день рождения. Он нашёл её интересной и снова отдал Цэнь Цзибаю.

Раньше Линь Цзинь любил дарить Цэнь Цзибаю безделушки на праздники. Но после того как Линь Юань и Линь Ду ушли, а родители Линь Цзиня скончались, у него больше не было желания что-либо дарить.

Вспоминая прошлое, Цэнь Цзибай с грустью укрепился в решимости защитить семью Линь и самого Линь Цзиня.

После всех этих событий они даже не подозревали, что Цэнь Цюэхэ ещё долго не сможет покинуть дворец.

<http://bllate.org/book/15933/1423956>